

В некотором царстве, в некотором государстве жил старик со старухой. Старик охотою промышлял, старуха дома хозяйничала.

Жаден старик, а старуха еще пуще. Что старик ухлопает, то старуха слопает.

Вот встает рано утром старик и говорит:

— Поднимайся, старуха! Разогревай сковородку, пошел я на охоту.

Ходил-ходил старик по лесу, ни зверя, ни птицы не нашел. А старуха сковородку грела, пока не покраснела.

Идет старик домой с пустой сумой. Видит — сидит на гнездышке птичка, под ней двадцать одно яичко. Хлоп! Убил ее.

Приходит домой.

— Ну, старуха, принес я закуску!

— А что же ты, старик, принес?

— Да вот убил на гнездышке птичку, взял под ней двадцать одно яичко.

— Ах ты, дурак старый! Не надо было птицу бить. Яйца-то ведь они, насиженные, никуда не годные. Садись-ка теперь сам, доводи их до дела.

И птицу жарить не захотела. Не стал старик перечить, сел в лукошко вместо наседки.

Сидел он двадцать одну неделю. Высидел не двадцать птенцов, а двадцать молодцов. Одно яйцо осталось.

Старуха не понимает.

— Сиди, — говорит, — чтоб было кому работать, коров пасти, хозяйство блюсти.

Просидел он еще двадцать одну неделю. Старуха с голоду померла, а старик вывел на свет красавца молодца и назвал его Иваном.

Живет старик, поживает, добра наживает. Названные дети с утра до вечера работают. А старик похаживает, брюхо поглаживает, на работников покрикивает. Разбогател. Землю пшеницей засеял. Пришло время убирать. Наставили братья скирдов видимо-невидимо.

Стал старик примечать, что скирды пропадают. Зовет своих молодцов:

— Надо, дети, караулить!

Назначил всем черед — по ночи каждому сторожить. Ивану последняя ночь досталась.

Братья караул проспали, ничего не видали. Настала Иванова очередь.

Пошел он в кузницу, отковал молот в двадцать пять пудов, в полтора пуда железные удила. Из пуда конопля узду свил.

Сел под скирдом, караулит. До полуночи просидел. Слышит конский топот: кобылица бежит, под ней земля дрожит, за ней двадцать один жеребенок.

Топнула она ногой, развалился скирд, жеребята его вмиг разметали.

Ударил Иван кобылицу молотком между ушей. Села она на коленки. Обротал [19] ее Иван и повел вместе с жеребятами к себе во двор. Ворота на засов, а сам спать лег.

Встает утром старик.

— Ты что спишь, Иван, бездельник?

— Нет, батюшка, я не бездельник, — отвечает Иван. — Приказ я твой выполнил.

Посмотрел старик — полный двор лошадей. Похвалил Ивана перед братьями:

— Вот у меня Иван какой! А вы что? Дураки нерачительные...

Стали они лошадей делить. Старик взял кобылицу. Старшие братья на выбор лошадей облюбовали, а Ивану достался самый захудалый жеребенок. Вот собираются братья на охоту. Садятся на резвых коней.

Иван своего жеребеночка попробовал — положил руку ему на спину. Гнется жеребеночек, на все четыре ноги садится. Тяжела для него хозяина рука. Пустил его Иван на сутки в луга. На другой день положил руку — не гнется жеребеночек. Положил ногу — гнется. Пустил еще на сутки в луга.

На третий день приводит Иван коня. Кладет ногу — не гнется. Сам садится — гнется конь. Пустил опять на сутки в луга.

На четвертый день садится Иван на своего коня — не гнется под ним конь.

А братья давно уже уехали на охоту. Едет Иван по чистому полю, догоняет братьев. День проходит, второй проходит — не видно в чистом поле никого. Вот третий день кончается, ночь наступает. Смотрит Иван — похоже, виднеется огонек. «Знать, братья мои кашу варят».

Ближе подъезжает — все видней да жарче огонь. Подскакал Иван, а это золотое перо лежит. Жалко Ивану расстаться с золотым пером. А конь ему человеческим голосом говорит:

— Не подымай, Иван, золотого пера, большая беда будет!

Не послушал Иван коня, поднял перо и за пазуху спрятал.

Съезжаются братья домой. Дает им старик приказ вычистить коней:

— Буду нынче смотр делать. Дал он старшим братьям щетки да мыло. Ивану ничего не дал.

Приуныл Иван. А конь его говорит:

— Не печалься, хозяин. Возьми золотое перо, махни туда-сюда — все будет как надо.

Вот братья повымыли, повычистили своих коней, а Иван только пером махнул: стал конь золотой, волос к волосу лежит, в гриву алые ленты вплетены, на лбу звезда сияет.

Выводят старшие братья на смотр старику своих коней. Все кони чисты, все хороши.

А Иван вывел — еще лучше. Конь пляшет золотой.

— Эх вы! — говорит старик. — Какой плохонький конек ему достался, а сейчас лучше ваших всех. Взяла братьев ревность:

— Давайте, ребята, придумаем, что бы такое на Ивана наговорить.

Приходят к старику:

— Ты, батюшка, не знаешь, какой наш Иван хитрый. Он нам не тем еще хвалился.

— А чем же он хвалился, ребята?

— Я, — говорит, — не то, что вы. Захочу, достану кота-игруна, гусака-плясуна и лисицу-цимбалку. Поверил старик. Призывает Ивана.

— Тут ребята про тебя говорят, что ты можешь достать кота-игруна, гусака-плясуна и лисицу-цимбалку.

— Нет, батюшка! Ничего я об этом не знаю.

— Как так не знаешь? Ты мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Хоть и не нужны они мне, а чтобы достал их непременно!

Загоревал Иван, пошел к своему коню на совет:

— Ох, верный мой конь, беда мне... А конь говорит:

— Это — беда не беда, впереди будет беда. Садись на меня, поедем добывать заказанное.

Отправляется Иван в чужие города. Остановился конь у высоких хором и говорит:

— Живет здесь богатый купец. Ступай к нему, проси продать кота-игруна, гусака-плясуна и лисицу-цимбалку. Будет просить он в обмен твоего коня. Ты соглашайся. Только смотри, когда будешь меня отдавать, сними с меня узду.

Сделал Иван, как велел конь. Отдал ему купец кота-игруна, гусака-плясуна, лисицу-цимбалку, а Иван — взамен своего золотого коня.

Уздечку снял. Говорит:

— Уздечка у меня дареная, непродажная.

Вышел в чисто поле, слышит — земля дрожит. Подбегает к нему верный конь.

— Ну, поедем домой, хозяин. Ушел я от купца. Привез Иван старику подарки. Сбежались братья посмотреть на диво. Лисица в цимбалы бьет, кот песни играет, гусак пляшет.

— Эх вы! — говорит старик братьям. — Никуда вы не годны. Вот Иван у меня голова — все исполнил мои дела!

А те в ответ:

— Ох, батюшка, Иван не то еще знает. Сам хвастался.

— А что? Что он знает, ребята?

— Он нам, батюшка, говорил: «Я знаю, где гусли-самоигры достать».

Призывает старик Ивана:

— Иван, привези мне гусли-самоигры!

— Ох, батюшка, я их видать не видал, слышать про них не слышал.

Рассердился старик.

— Надоели, — говорит, — мне твои отпоры! Ты мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Чтобы достал гусли-самоигры!

Пошел Иван к коню на совет:

— Ой, конь мой верный! Вот пришла моя беда!

Конь ему отвечает:

— Это — беда не беда, впереди будет беда. Иди спать. Утро вечера мудренее.

Встает Иван рано, седлает золотого коня, отправляется в густые леса.

Ехали-ехали. Видят: стоит избушка на курьих лапках, на собачьих пятках.

Говорит Иван:

— Избушка, избушка, стань ко мне передом, на запад задом.

Повернулась избушка. Выходит из нее баба-яга, костяная нога — на ступе ездит, метлой подметает, пестом погоняет.

— Ах ты, добрый молодец! — говорит. — Зачем сюда заехал? Или тебе головы не жалко?

Иван ей отвечает:

— Эх, бабушка ты, старушка! Не спросила ты, какое у меня горе-беда! Накормлен ли я, напоен ли я или с голоду помираю? У нас на Руси дорожного человека злым словом не встречают, добром привечают. Сперва накормят, напоят, а потом и разговор ведут. Умилилась старушка его словам.

— Иди, — говорит, — парень, сюда. Моим гостем будешь.

Слезает Иван с золотого с коня. Входит в избушку на курьих лапках, на собачьих пятках. Сажает его старушка за стол. Накормила, напоила, про горе-беду расспросила.

— Ах, бабушка! Горе мое большое, — говорит, — Иван. — Как мне быть? Где мне гусли-самоигры добыть?

— Я, родимый, знаю, где эта диковинка.

— Ой, бабушка, расскажи, моему горю помоги!

— Парень-красота, жалко мне тебя. Трудное это дело. Есть у меня сестра, а у нее сын Змей Горыныч. Так эти гусли у него. Не любит он духу человеческого. Боюсь, как бы он тебя не съел. Ну уж я постараюсь для тебя сестру упрощу, тебе помогу. Вот мой двор, а посреди двора — дубовый кол. Привяжи к нему коня за шелковые поводья. А я дам тебе клубочек, держи его за кончик. Будет он катиться, а ты следом иди. Вот идет Иван, а клубочек впереди катится. Приходит ко двору Змея Горыныча. Заперты ворота на двенадцати цепях, на двенадцати замках. Постучался Иван. Вышла старушка мать Змея Горыныча.

— Ох, парень молодой, зачем сюда — зашел? Мой сын прилетит голодный, он тебя съест!

Отвечает ей Иван:

— Бабушка ты, старушка! Не спросила ты у меня, какая моя беда. Голодный ли я, холодный ли? У нас на Руси дорожного человека злым словом не встречают, добром привечают. Сперва накормят, напоят, а потом и разговор ведут.

Умилилась старушка его словам, повела его в избу. Накормила, напоила, про беду-горе расспросила.

— Не печалься, парень-красота, — говорит, — Я твоему горю помогу.

Уже полночь подходит, скоро Змей Горыныч прилетит. Надо Ивана прятать.

Старушка говорит:

— Ложись под лавку. Я буду сына встречать, тебя, парня, защищать.

Вот в полночь прилетел Змей Горыныч. Летит — земля дрожит, деревья качаются, листья осыпаются. Влетел в избу, повел носом и говорит:

— Русь-кость пахнет.

А старушка ему отвечает:

— И-и, сыночек! По Руси летал, Руси набрался, вот тебе Русью и пахнет.

— Собирай, мать, поесть, — говорит Змей Горыныч.

Выдвигает старушка из печи целого быка, подает на стол ведро вина. Выпил Змей Горыныч вина, поел сладко быка. Повеселел.

— Эх, мать, с кем бы мне в карты сыграть? — говорит.

Старушка отвечает:

— Я бы нашла, дитенок, с кем тебе в карты сыграть, да боюсь — вред ему от тебя будет.

— Уважу я тебя, мать, — говорит Змей Горыныч. — Никакого вреда ему не сделаю. Больно мне охота в карты поиграть.

Позвала старушка Ивана. Вылазит он из-под лавки, садится за стол.

— А на что будем играть? — спрашивает Змей Горыныч.

Сделали они между собой уговор: кто кого обыграет, тот того и ест.

Начали играть. День играли, два играли, на третий день обыграли Змея Горыныча.

Испугался Змей Горыныч, на коленки становится, просит:

— Не ешь меня!

— Ну что ж, — говорит Иван, — хочешь жив остаться, отдай мне гусли-самоигры.

Обрадовался Змей Горыныч.

— Бери! — говорит. — Будут у меня гусли еще втрое лучше!

Змей Горыныч Ивана наградил, далеко проводил. Приезжает домой Иван. Повесил в избе гусли-самоигры.

Запели, заиграли гусли. Лисица в цимбалы ударила. Кот песню завел. Гусак плясать пошел. Веселье началось. Хвалит старик Ивана, а братьев бранит, со гвора гонит.

Задумались братья: как бы Ивана очернить?

Старший брат говорит:

— Знаете что, ребята? Слышал я, есть в заморском царстве Марья-королевна. Уж ее-то Ивану не достать. Пошли они к старику:

— Ты, батюшка, еще всего не знаешь про хитрость Ивана. Хвалился он нам, что Марью-королевну достать может.

Призывает старик Ивана.

— Тут братья сказывают, что ты Марью-королевну достать можешь.

— Ой, батюшка! Знать не знаю ничего о Марье-королевне!

Старик слушать не хочет:

— Ты мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Ступай немедля. Чтоб представил мне Марью-королевну!

Заплакал тут Иван, пошел к коню:

— Ой, конь мой верный. Вот беда мне какая!

А конь говорит:

— Это — беда не беда, впереди будет беда. Собирайся, хозяин, в дорогу.

Что Ивану делать? Забирает он с собой своего коня, гусли-самоигры, лисицу-цимбалку, кот-игруна, гусака-плясуна. Садится на корабль.

Плыли-плыли. Приплывают к тому государству, где Марья-королевна живет.

Отец-царь пуще ока дочку бережет. Марья-королевна даже по двору гулять никогда одна не выходила. Распустил Иван паруса, остановил свой корабль против царского дворца. Заиграли гусли-самоигры. Ударила в цимбалы лисица-цимбалка. Запел кот-игрун. Пошел в пляс гусак-плясун. Заметалась по двору Марья-королевна:

— Ой, батюшка! Я такой музыки отроду не слыхала! Пусти меня на пристань — корабль посмотреть, музыку послушать.

Ну что стоит царю со своими слугами да санными девушками [20] ее просьбу исполнить? Упросила она отца.

Пустил он ее к морю корабль посмотреть, музыку послушать. А санным девушкам приказал не спускать глаз с Марьи-королевны, чтобы беды какой не случилось.

Корабль у самой пристани стоит. На нем все окна отворены, людей не видно. Оперлась царская дочь на подоконник, заслушалась чудесной музыкой. Заслушались и санные девушки.

Не заметил никто, как подхватил Иван Марью-королевну на свой корабль. И понесли их быстро паруса. Увез Иван Марью-королевну. Прибыли они домой. Обрадовался старик, в пляс пустился. Плясал, покуда шапку не потерял.

— Теперь буду жениться, — говорит. Марья-королевна отвечает:

— Нет, погоди! Сумел меня увезти, сумей и шкатулку мою с уборами унести.

— А где же твоя шкатулка?

— Стоит моя шкатулка под тем столом, на котором батюшка-царь обедает.

Призывает старик Ивана:

— Вот тебе задача: привези мне шкатулку Марьякоролевны.

— Ой, батюшка, не смогу я! — отвечает Иван.

— Ты, Иван, мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Привезти шкатулку ты должен.

И разговора больше нет. Пошел Иван к коню на совет:

— Ой, конь мой верный! Вот когда мне беда!

— Это — беда не беда, впереди будет беда. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Встает утром Иван, седлает коня, отправляется в то царство, откуда Марью-королевну привез. Навстречу старик-побирушка. Купил у него Иван одежду с сумой за сто рублей. Переоделся нищим. Подъезжает к царскому дворцу. Вынул золотое перо, махнул им туда-сюда, стал конь золотой. Пустил его Иван в царский двор.

Выбежали царские слуги и сам царь с царицей. Стали золотого коня ловить, забыли в доме двери затворить.

А Иван проворен был. Вбежал во дворец, схватил из-под царского стола шкатулку и в суму положил. Выскакивает на двор, кричит:

— Не смогу ли я пособить?

Вскочил на коня, угодил ногами в стремя. Ускакал и шкатулку увез.

Старик пуще прежнего рад.

— Привез Иван шкатулку, — говорит. — На завтра свадьбу назначить.

Марья-королевна отвечает:

— Погоди-ка со свадьбой. Не все еще ты для меня сделал. Есть в море двенадцать кобылиц, пригони их мне сюда:

Призывает старик Ивана.

— Чтоб были мне двенадцать морских кобылиц!

Заплакал Иван и пошел к коню на совет:

— Ой, конь мой верный! Вот мне беда!..

Выслушал его конь и говорит:

— Теперь беда. Ну, что будет, то будет. Готовь двенадцать кож, двенадцать пудов бечевы, двенадцать пудов смолы и три пуда железных прутьев. Поедем к морю за кобылицами.

Приготовил Иван все это. Подъезжают они к морю.

Развел Иван огонь, поставил на него котел со смолой. Кожами коня уматывает, бечевой увязывает, смолой заливают. Когда он двенадцать кож намотал, двенадцатью пудами смолы залил, конь говорит:

— Смотри на то место, где я в море прыгну. Пойдут по воде белые пузыри, ты не тревожься: это я кобылиц из стойла выгоняю. А вот если кровавые пузыри увидишь, бери железные прутья и прыгай ко мне на помощь. Знай, что одолели меня морские кобылицы.

Прыгнул конь в море, а Иван сидит на берегу, на то место смотрит, где конь скрылся. Через два

часа пошли по воде белые пузыри. Трех часов не прошло, выскочили на берег морские кобылицы, а за ними Иванов конь.

Глядит Иван, осталась на коне только одна кожа неповрежденной. Одиннадцать кож морские кобылицы погрызли, копытами побили.

Пригнал Иван морских кобылиц домой. Марья-королевна ему говорит:

— Ну, Иван, сумей теперь от них надоить котел молока.

— Ой, Марья-королевна, — отвечает Иван, — не умею я их доить.

А старик стоит и приказывает:

— Ты мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Дои кобылиц без отказа!

Пошел Иван к коню на совет.

— Не горюй, хозяин, — говорит ему конь. — Это дело нехитрое.

Принялся Иван за работу. Надоил от морских кобылиц котел молока.

Говорит ему Марья-королевна:

— Надо теперь молоко вскипятить. Как закипит ключом, скажешь мне.

Пошел Иван к коню на совет.

— Ой, конь мой верный! Какой мне приказ дают!

Велят молоко кипятить.

— Не бойся, хозяин, — говорит ему конь. — Делай так, как я скажу. Закипит молоко, велят тебе прыгнуть в котел купаться. А ты стой и слушай: как заржу я в конюшне три раза, тогда прыгай.

Вскипятил Иван молоко. Из края в край закипело, ключом бьет.

Доложили Марье-королевне. Идет она со стариком к котлу Тот ее и на шаг от себя не отпускает.

Говорит она старику:

— Надо тебе в кипучем молоке искупаться, тогда я за тебя замуж пойду.

Испугался старик:

— Нет, пускай сначала Иван испробует.

Говорит Марья-королевна:

— Ну, Иванушка, все ты для меня сделал. Исполни и это: искупайся в кипучем молоке.

Котел ключом кипит, молоко через верх выплескивается. Снял Иван рубаху. Стоит возле котла, от верного друга известия ждет.

Заржал конь на конюшне три раза. Тут Иван в котел прыгнул. Три раза от края до края проплыл. Вышел на свет живой, невредимый. И так хорош был, а теперь совсем красавцем стал: кровь с молоком.

Говорит Марья-королевна старику:

— Ну, прыгай теперь ты!

Прыгнул старик в котел, и развалились его кости. Иванушка с Марьей-королевной повенчались. Я у них была, чай пила. Они за мной ухаживали, меня улаживали, а я им сказки сказывала.

